

от 17 9 ОКТ 38 9

Чехов и Горький в Художественном театре

Чехов и Горький...

О них вспоминаешь с особенной нежностью, с особенной благодарностью в эти дни, приближающие нас к 40-летию Художественного театра. Близко, вплотную подошли они к театру и, стало быть, вошли в мою жизнь.

С Чеховым мы простились в годы юности МХАТ. Он давно уже стал нашей историей и в то же время невсякающим живительным источником правды на сцене, в каждой репетиции, в любом спектакле до сих пор. Это он первый заставил нас отдаться искреннему переживанию в его «будничных» пьесах, в которых ничего нельзя было играть нарочно, — с радостью отказаться от всего внешне выигрышного, привычно актерского, ради большой, горячей и волнующей правды жизни, возникшей в его образах, в почти неуловимых порюк оттенках чувств и настроений. С чеховскими ролями мы сживались, как с родными людьми. И самого Чехова полюбили, как родного.

Я познался с Антоном Павловичем позже других актеров Художественного театра, так как постановка первых его пьес — «Чайки» и «Дяди Вани» — была осуществлена еще до моего вступления в труппу МХАТ. Познакомился мы года за два до смерти А. П., когда он был уже очень болен и большую часть времени проводил в Крыму. Так что видиться приходилось только мельком. В то время меня вводят в спектакль «Чайка» дублером К. С. Станиславского. По совету Вл. И. Немировича-Данченко я отправился к Чехову на дом, чтобы попытаться «выудить» у него что-нибудь о роли Тригорина. Но выудить так почти ничего и не удалось.

— Как же играть Тригорина? — спросил я Антона Павловича.

— Да... как следует, — отвечал он, улыбаясь. — Нужно же играть серьезно. — А потом совсем неожиданно прибавил: — У него должны быть удачи очень хорошие.

— Что же, дорогие какие-нибудь?

— Нет, нет, самодельные, сучковатые, очень длинные, потому что он же настоя-

щий рыболов. И ситары у него хорошие, т. е., может быть, и не хорошие, но дорогие, в серебряной бумажке.

Эти скупые штрихи, такие характерные для Чехова, никогда не умевшего «учить» актера, подсказали мне многое.

В пьесе «Три сестры» я снова дублировал Станиславского в роли Вершинина, а потом, после ухода Мейерхольда, играл Тузенбаха. Запомнились слова Чехова о Вершинине: «Он же настоящий полковник. Я думаю, что у вас это может выйти». Сказавши это, Антон Павлович почему-то козырнул мне по-военному.

Он впервые увидел «Три сестры», когда это был уже готовый спектакль, и хорошо принял все, кроме сцены пожара. Этой сцене он придавал особенное значение и попросил, чтобы ему позволили все самому прорежиссировать. Но так ничего и не сделал, а впечатление у него осталось такое, будто он что-то изменяя сущственно, добился своего.

Меткость чеховских характеристик, даже самых мимолетных, была поразительная. Она сразу как бы раскрывала всего человека. Помню, шел памятный спектакль «Вишневого сада»; в антракте Антон Павлович сидел у меня в уборной. В это время А. М. Горький, присутствовавший на спектакле, в коридоре обрушился на Миролюбова, работавшего тогда в «Журнале для всех». Миролюбов пропустил в этом органе какую-то статью. Горький страшно волновался, буквально кричал на растерявшегося редактора. Когда тот ушел, Чехов сказал Горькому:

— Напрасно вы, Алексей Максимович... Миролюбов — хороший человек. Но, конечно, он же попович, у него есть недостатки — он любит покричать на кондукторов, колокола любит, очень любит церковное пение, но он ведь хороший человек...

В этот вечер мы видели Чехова в последний раз...

В апреле 1900 года труппа Художественного театра выехала в Севастополь и

Ялту «в гости к Чехову» — показать Антону Павловичу, прикованному болезнью к постели, «Чайку» и «Дядю Ваню». Только что принятый в театр, я не участвовал в этой поездке. И вот весной слышу от вернувшихся товарищей все одно и то же имя: Горький, Горький. Это имя не сходит у них с языка: «Горький сказал, Горький прочел, Горький пропел...»

Чехова тогда уже в нашем театре знали, считали «своим» и любили, как родного. Но вот появился в театре новый, чужой «дядя», молодой, занятый, не похожий внешним видом на писателя, с новыми, такими необычайными по темам, рассказами. Это была сенсация в жизни театра.

Осенью того же года я впервые увидел Горького. Я шел по Малой Бронной на репетицию (мы свивали тогда для репетиций так называемую «Романовку» — здание, в котором теперь помещается Государственный Еврейский театр), и меня обогнали две фигуры: одна высокая, делавшая огромные шаги, другая пониже, с трудом поспевавшая за первой. У входа в театр я столкнулся с ними — их почему-то не выпускали. Человек пониже обратился ко мне:

— Я — Сулдерджицкий, а вот это — Горький. Писатель Горький. Нас приглашали заходить в любое время, но вот не выпускали.

Я попытался сказать кому следует, что у входа стоит Горький, которого не выпускают в театр. Спустил минуточку его высокая, стройная фигура легко и быстро взлетела вверх по лестнице через две ступеньки на третью, несмотря на высокие, тяжелые сапоги. Пряди густых каштановых волос ударили по высоко поднятым плечам.

Так состоялось знакомство.

В ту осень Горький часто заходил к нам на репетиции и дал театру пьесу «Мещане», но, недовольный ею, вскоре взял обратно для переделки, вернув только через год, осенью 1901 года. Премьера состоялась в марте 1902 года в Петербурге, во время гастрольной поездки театра. Воспояняется победа Горького — в петербургском Михайловском театре — над министрами Святополь-Мирским, Ветте, цензором Шаховским и полицией: вся эта компания, невзирая Горького, не решилась все-таки запретить «Мещан» и стала свидетельницей огромного успеха автора и те-

атра. Успеха художественного и политического.

А успех второй его пьесы — «На дне», небывалый до того в театре!

Долгожданый, навсегда и в подробностях врезавшийся в память день. Горький читает нам — всей труппе Художественного театра — «На дне жизни», — так первоначально называлась эта пьеса. Читает прекрасно. Живыми встают, сразу запоминаются действующие лица. И хотя в чтении все герои говорят слабым, глуховатым баском автора, все одинаково «окают», все как один потрясают перед носом сжатым кулаком, — какие все же получаются яркие и не похожие друг на друга фигуры! Варьвы хохота покрывают все вскрываемые «словечки», все богатые юмором места пьесы.

Горький не улыбается, ничего не подчеркивает, не подает, не нагрывает. Но наш хохот местами становится таким бурным и заразительным, что автор где-то уже не выдерживает, безнадежно машет рукой и улыбается сам: «У, форт, а ведь правда, смешно...» А когда он стал читать сцену, где Лука утешает умирающую Анну, мы все притянули дыханье, до того было это трогательно и волнующе.

А на спектакле снова Горький торжествовал над ухищрениями царской цензуры. Зрительный зал принимал пьесу бурно и восторженно, как пьесу-буревестник, которая предвещала грядущие бури и к бурной авала. Оvation и вызовом, казалось, не будет конца — по адресу исполнителей, режиссеров (Вл. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского) и особенно автора. Он вышел на сцену растерянный, позабыв вынуть изо рта папиросу, и не кланялся публике, а только смущенно, но в то же время как-то лукаво и весело смотрел в зрительный зал. Когда, наконец, в последний раз закрылся занавес, мы все, участники спектакля, стали обнимать и целовать автора, крепко жали ему руку, благодарили за радость, за счастье разделять с ним такой успех. Мы были по-настоящему счастливы, удовлетворены. Мы все уже были влюблены в свои роли.

Как хорошо, что мы сумели сохранить их краски, их силу для сегодняшнего, советского зрителя!

В. КАЧАЛОВ.
Народный артист Союза ССР.